

От редакции

Игорь Сергеевич Дмитриев – известный российский историк и философ науки. 22 октября 2019 г. он был избран Почетным членом Русского общества истории и философии науки за выдающиеся достижения в разработке проблем истории и философии науки и чрезвычайные заслуги перед научно-философским сообществом.

Редколлегия от души поздравляет Игоря Сергеевича в связи с избранием. Данная статья написана автором по предложению редколлегии и дает представление о новой книге И.С. Дмитриева, посвященной Ф. Бэкону, четырехсотлетие «Нового Органона» которого исполняется в текущем году.

ВЕСЕЛАЯ НАУКА ФРЭНСИСА БЭКОНА

Дмитриев Игорь Сергеевич – доктор химических наук. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48; e-mail: isdmiriev@gmail.com

Статья посвящена анализу некоторых аспектов методологии научного познания, к которым обращался Ф. Бэкон в трактате «Новый Органон» (1620) и в других сочинениях, так или иначе связанных с его работой над проектом «великого восстановления наук». В статье основное внимание уделено следующим трем вопросам: отношению Бэкона к наследию Аристотеля, контексту бэконизанского учения об идолах и причинам выбора английским философом фрагментированной (афористичной) формы изложения своих идей в «Новом Органоне» и в некоторых других произведениях. Опираясь на анализ сочинений Бэкона, относящихся к указанному проекту, было показано, что его высказывания в адрес Аристотеля и его философии имели дифференцированный характер в зависимости от того, предназначался ли соответствующий текст для печати или служил рабочим наброском. В последнем случае оценки Аристотеля Бэконом носили более жесткий характер. Бэконизанская критика аристотелизма формировалась в контексте развития английским философом учения об идолах познания. В статье показано, что, разрабатывая это учение, Бэкон исходил из идеи массового безумия человеческого рода (*insania publica*), которое имеет античные корни и разделялось рядом современников Ф. Бэкона. При этом последний рассматривал Аристотеля как создателя «своего рода искусства безумия (*artemque quondam insaniae componere*)». В качестве лекарства от «*insania universalis*» Бэкон предлагал новый метод («новый органон») познания, а изложение своих идей в форме отдельных, но идейно связанных между собой афоризмов, как способ активизации мыслительного процесса читателя.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, «Великое восстановление наук», «Новый Органон», Аристотель, учение об идолах, стиль произведений Ф. Бэкона

THE GAY SCIENCE OF FRANCIS BACON

Igor S. Dmitriev –
DSc in Chemistry.
The Herzen State Pedagogical
University of Russia.
48, Moika Emb.,
Saint Petersburg, 191186,
Russian Federation;
e-mail: isdmitriev@gmail.com

The article is the study of some aspects of the methodology of scientific knowledge that F. Bacon addressed in his treatise “New Organon” (1620) and in other works in one way or another related to his work on the project of the *Instauratio Magna Scientiarum*. The article focuses on the following three questions: Bacon's attitude to Aristotle's legacy, the context of Bacon's doctrine of idols and the reasons for the English philosopher to choose a fragmented (aphoristic) form of presentation of his ideas in the “New Organon” and in some other works. Based on an analysis of Bacon's works related to the above project, it was shown that his statements about Aristotle and his philosophy were differentiated depending on whether the corresponding text was intended for printing or served as a working draft. In the latter case, the estimates of Aristotle by Bacon were more stringent. Baconian criticism of Aristotelianism was formed in the context of the development by the English philosopher of the doctrine of the idols of knowledge. The article shows that developing this doctrine, Bacon proceeded from the idea of mass insanity of the human race (*insania publica*), which has ancient roots and was shared by a number of contemporaries of F. Bacon. At the same time, the latter considered Aristotle as the creator of “a kind of art of insanity (*artemque quondam insaniae componere*)”. As a cure for “*insania universalis*”, Bacon proposed a new method (the “new organon”) of cognition, and the presentation of his ideas in the form of separate, but conceptually related aphorisms, as a way of activating the reader's thought process.

Keywords: F. Bacon, “*Instauratio Magna Scientiarum*”, “New Organon”, Aristotle, the doctrine of idols, the style of F. Bacon's works

Здесь заживем и в добрый час приступим
К познанию наук и изысканьям.

У. Шекспир.
Укрощение строптивой (I, 1)

Опус для короля

В октябре 1620 г. в Лондоне вышло в свет напечатанное *in folio* сочинение Ф. Бэкона «*Instauratio Magna Scientiarum*» («*Великое восстановление наук*»). То была часть широко задуманного шеститомного трактата. Публикация открывалась кратким *exordium*, начинавшимся вместо заглавия словами «*Franciscus de Verulamio sic cogitavit...*» («Франциск Веруламский так мыслил...»), в котором формулировалась главная цель всего сочинения: «каким-либо образом восстановить в целостности или хотя бы привести к лучшему виду... общение

между умом и вещами (*si quo modo commercium... Mentis et Rerum... restitui posset in integrum, aut saltem in melius deduci*)» [Бэкон, 1977, с. 57; Bacon, 1858, p. 121–122].

Далее следовало посвящение королю Якову I Стюарту. Оно было написано уже не от третьего лица единственного числа, как *ex-ordium*, и не от первого лица множественного числа, как остальная часть сочинения («Нам кажется... (*Videntur nobis...*)» и т.п.), но от первого лица, т.е. от лица самого Бэкона. Посвящение являет собой блестящий образец не только тонкой и хорошо продуманной лести, но и умелой саморепрезентации, обращенной как к избранному кругу современников, так и к куда более широкому (как надеялся сэр Фрэнсис) кругу потомков. Бэкон позиционировал себя, с одной стороны, бескорыстным радетелем о благе всего человечества, а с другой – аристократом и высокопоставленным *un homme politique*, ценным мудрым и благодетельным монархом. Бэкон отмечает как принципиальную новизну своего сочинения («*sunt certe prorsus nova* (оно действительно совершенно ново)» [ibid., p. 123]), так и то, что он писал не просто обо всем пришедшем ему в голову, но выражал дух времени («*Ipsa certe... soleo aestimare hoc opus magis pro partu temporis quam ingenii* (я сам... оцениваю это большое сочинение скорее как порождение времени, нежели ума)» [ibid.]). Однако то был, так сказать, вербальный аверс бэкониианской медали, который удачно дополнял ее визуальный реверс: выбор типографии (ее владелец имел королевский патент, что наряду с высоким положением автора придавало тексту дополнительную значимость в глазах придворных и иных потенциальных читателей), выбор формата (*in folio*) и шрифтов, посвящение королю и, наконец, замечательная гравюра на титульном листе (о ней подр. см.: [Дмитриев, Крепостнова, 2018]). Бэкон продумал все детали издания и лично контролировал весь процесс публикации. Замечу, что подобных роскошных прижизненных *folio* между 1616 и 1620 гг. в королевских *Printing Houses* было издано всего девять, включая и сочинения самого монарха. Разумеется, истина – «дочь времени, а не авторитета» [Bacon, 1858, p. 291], однако ее утверждение в сильной степени зависит от авторитетности носителя. И Бэкон сделал все, чтобы издание *Instauratio*, цель которого – убедить читателя подчиниться авторитету Природы, всячески подчеркивало авторитетность автора.

Замысел «*Instauratio*» возник у него давно, еще в елизаветинские времена. После восшествия на английский престол Якова I в 1603 г. загруженность Бэкона государственными делами заметно возросла, и потому он не имел возможности продолжать работу над текстом «*Instauratio*». Но и оставлять начатый труд он также не желал, полагая, что даже частичная публикация трактата окажется полезной, в том числе и для его дальнейшей карьеры. Поэтому он решил опубликовать хотя бы то, что уже было им написано, торопясь

познакомить нового монарха со своими идеями о значимости наук для государства, пока королевское внимание не отвлекли другие заботы. Как известно, при Елизавете I Бэкону не удалось получить высокую придворную должность, хотя он старался. Смена монарха вселяла надежду на продвижение по службе. Чтобы не терять времени, Бэкон в 1605 г., за пятнадцать лет до выхода «Нового Органона», публикует сочинение «*The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human*» («Успехи и развитие знания божественного и человеческого») [Bacon, n.d., vol. 6, p. 77–170], недоработанное, несущее многочисленные следы спешки, но, тем не менее, дающее представление о замыслах и идеях автора. Вместе с тем Бэкон понимал – чтобы заинтересовать короля своим проектом «великого восстановления наук», нужно представить более фундаментальный труд, содержащий обзор современного состояния наук и детальное обоснование новой методологии познания, а главное, не жалея красок, показать пользу от реализации задуманного им проекта для королевства. Именно этим целям служило *folio* 1620 г.

Кроме того, Бэкон надеялся стать ближайшим советником короля, хотя, как человек практического и даже циничного ума, прекрасно осознавал трудности придворного, решившегося давать советы монарху. Да, в якобитской Англии сэр Фрэнсис действительно стал весьма быстро продвигаться по службе, – *Attorney-General* (1613), *Lord Keeper* (1617), *Lord Chancellor* (1618), – но его философские, равно как и юридические произведения, к этому отношения не имели, ни «Новый Органон», ни разработанные им «Правила для Звездной палаты» (*The Rules for the Star Chamber*)».

Нельзя сказать, что идеи, сформулированные им в «*The Proficiency*» и в «Новом Органоне», получили признание современников. Еще в 1609 г. в письме И. Касабону Бэкон жаловался: «Кажется, мне легче беседовать с древними, чем с теми, с кем я живу» [Bacon, 1868, p. 146]. Поначалу лишь немногие из его современников сумели понять и оценить его идеи. К их числу можно отнести сэра Тоби Мэтью (*Sir Tobie Matthew*; 1577–1655), дипломата и политического деятеля, сэра Генри Воттона (*Sir Henry Wotton*; 1568–1639), литератора и дипломата, в какой-то мере – известного английского врача Уильяма Гарвея (*William Harvey*; 1578–1657) и некоторых других. Но и их смущал призыв Бэкона начать строить здание науки заново и на новых основаниях. У. Гарвей, вспоминая, как сэр Фрэнсис глядел на его анатомический стол «холодными карими глазами змеи», насмешливо добавил, что он (Бэкон) «*writes philosophy like a Lord Chancellor*» [Aubrey, 1949, p. 130].

И все-таки Бэкон надеялся, что будет понят хотя бы одним читателем – Яковом I, и король, заинтересовавшись его проектом, примет какие-то шаги для его реализации. И нельзя сказать, что надежды сэра Фрэнсиса были безосновательны. Якова I часто называли

«британским Соломоном». Он действительно был высокообразованным человеком, свободно говорил на латыни и на французском, хорошо разбирался в поэзии, великолепно знал античных авторов и Священное Писание, оставил множество сочинений на политические и теологические темы (*Daemonologie* (1597), *The True Law of Free Monarchies* (1598), *Basilikon Doron* (1599))¹. И кто же как не он, полагал Бэкон, сможет оценить актуальность идеи *Instauratio Magna Scientiarum*. В посвящении книги Якову I Бэкон обращается к Его Величеству не только, и даже не столько, как придворный, но как философ, прося короля, «уподобаясь Соломону», «прибавить заботу о составлении и совершенствовании (*congeri et perfici*) истории естественной и экспериментальной» [Bacon, 1858, p. 124], попросту говоря, профинансировать предложенный лордом-канцлером проект. При этом сэр Фрэнсис умело связал два события, свершившихся – разумеется, по воле Провидения, – почти одновременно: начало своей работы над «*Instauratio*» и восшествие на английский престол первого Стюарта. Новая династия, новые придворные, новый орган наук...

12 октября 1620 г. роскошно изданный (подарочный) экземпляр «*Instauratio*» был послан Бэконом королю. В сопроводительном письме сэр Фрэнсис так охарактеризовал свой труд: «Эта работа, как ее ни трактовать, – не более чем новая логика, которая учит, как делать открытия и выносить суждения, используя индукцию (ибо обычный силлогизм не пригоден для наук о природе), и тем самым делает философию и науку более близкими к истине и более действенными. ...Мой труд – не более чем новый ком глины (*a new body of clay*), в которую Ваше Величество может вдохнуть жизнь своим благосклонным отношением и своей поддержкой. ...Я убежден, мое сочинение со временем найдет путь к умам людей, но ваше благорасположение поможет пройти этот путь быстрее» [Bacon, 1874, p. 119]. Король ответил Бэкону любезным письмом, выразив, с одной стороны, удовлетворение от того, что во многих вопросах мнение Бэкона «полностью согласуется» с его, королевским мнением, а с другой – изъявил желание в дальнейшем, пользуясь «*the liberty of a true friend*», лично поучаствовать в доработке предложенного его лордом-канцлером «*new instrument*» [ibid., p. 122]. Впрочем, позднее Его Величество признался, что этот труд Бэкона «всё равно, что мир Божий, который выше всякого понимания»² [ibid., p. 168]. Но тогда, в октябре 1620 г., благоприятный в целом ответ Якова вселил

¹ Известная характеристика Якова как «самого умного дурака во всем христианском мире (*the wisest fool in Christendom*)», принадлежащая сэру Энтони Уэлдену (*Sir Anthony Weldon*; 1583–1648) [Stroud, 1999, p. 27], была явным преувеличением.

² Король цитировал здесь слова из Библии (Фил. 4:7).

в Бэкона надежду, что король отзовется на его обращения и, подобно Соломону, станет содействовать «сбору и окончанию Натуральной и Экспериментальной Истории,.. на которой может быть построена вся философия (*which is basis totius negotii*)» [Васон, 1874, р. 130–131].

После посвящения королю в *folio* 1620 г. следуют: «Предисловие (*Praefatio*)», в котором излагаются главные темы бэкониа́нского проекта, общий план «*Instauratio*» («*Distributio operis*»), а также вводные пояснения к последующей части, опущенные (как и многое другое) в советском двухтомнике «Сочинений» Ф. Бэкона с весьма странным распределением трудов английского философа по томам [Бэкон, 1977] и извещающие читателя о том, что «первая часть “Восстановления”, которая содержит разделение наук, отсутствует (*Deest Pars Prima Instauracionis, que complectitur Partitiones Scientiarum*)», но соответствующие сведения могут быть почерпнуты из второй книги «*The Proficiencie*». Видимо, речь шла о сочинении, изданном осенью 1623 г. под названием «*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*», которое является расширением и переработкой «*The Proficiencie*» и которое, по замыслу Бэкона, представляет первую часть «*Instauratio*», содержащую, кроме всего прочего, классификацию человеческого знания и оценку его состояния. «Затем, – продолжает Бэкон, – следует вторая часть “Восстановления”», в которой излагается само «искусство толкования природы и наилучший способ упражнения ума», однако излагаются они не в форме обычного систематического трактата («*in Corpore tractatus*»), но лишь в виде краткого изложения («*per summas*»), представленного в форме афоризмов. И после этих предуведомлений следует текст неоконченного сочинения «Новый Органон» (полное название: «*Pars secunda operis, quae dicitur Novum Organum, sive indicia vera de interpretatione nature* (Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы)»)³, а также «*Parasceve ad Historiam Naturalem et Experimentalem, sive Descriptio Historiae Naturalis et Experimentalis*» («Приготовление к естественной и экспериментальной истории»)), сжатый набросок третьей части «*Instauratio*»⁴, с «*Catalogus Historiarum Naturalium* (Каталог натуральных историй)».

Над этими произведениями Бэкон работал свыше десяти лет. Многие развитые в них идеи в своей эмбриональной форме встречаются в ранних, 1600-х гг., неопубликованных при жизни автора набросках, важнейшие из которых: «*Temporis Partus Masculus, sive*

³ Детальная история публикации этого сочинения приведена в вводной статье Г. Риса к современному оксфордскому изданию сочинений Ф. Бэкона: [Васон, 2004, р. xix – cxviii].

⁴ Эта третья часть «*Instauratio*» была опубликована в 1623 г. под названием «*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*».

Instauratio Magna Imperii Humani in Universum (Плодотворный отпрыск времени⁵, или Великое восстановление царства человека во Вселенной)» (ок. 1602), «*Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the Annotations of Hermes Stella* (Валериус Терминус о толковании природы с пояснениями Гермеса Стеллы)» (1603), «*Cogitata et Visa: De interpretatione naturæ, sive de scientia operative* (Размышления и выводы: о толковании природы, или о действующей науке)» (1607) и «*Redargutio Philosopharium* (Опровержение философий)» (1608) [Bacon, 1857, p. 527–539, 215–252, 591–620; 557–585]⁶, и в двух опубликованных текстах, посвященных новым путям познания природы: «*The Proficience*» (1605) и «*De Sapientia Veterum*» (1609) [Bacon, 1858a, p. 617–686]⁷.

Литература, посвященная «Новому Органону», необъятна. В данной статье я ограничусь рассмотрением следующих вопросов: отношение Бэкона к *corpus Aristotelicum*, природа бэconiанского учения об идолах познания и мотивы выбора Бэконом «афористической» формы изложения своих идей в «Новом Органоне» и в некоторых других сочинениях.

«Князь обмана»⁸

В историко-научной и историко-философской литературе антиаристотелизм Бэкона подчеркивается постоянно. Однако к широко распространенным констатациям уместно добавить некоторые исторические нюансы.

Хотя критику Аристотеля в XVI – начале XVII в. можно найти в трудах таких известных авторов, как Ф. Парацельс, П. Рамус, Ф. Патрици, Б. Телезио и многих других, большинство интеллектуалов начала Нового времени (причем не только в Англии) «обращались

⁵ Такой перевод предложил М.А. Киссель с оговоркой, что слово «*masculus*» имеет в данном случае не буквальный, но более широкий смысл [Киссель, 2014, с. 5]. А.Л. Субботин перевел этот заголовок как «Величайшее порождение времени» [Субботин, 1974, с. 28].

⁶ К этим ранним наброскам Бэкона примыкают также небольшие трактаты «*Descriptio globi intellectualis*» и «*Thema Coeli*», написанные ок. 1612 г. [Bacon, 1857, p. 727–768, 769–780].

⁷ В 1597 г. вышли в свет «Опыты или наставления нравственные и политические» (*Essays or Counsels, Civil and Moral*)» (в одном томе с «*Meditationes sacrae*») [Bacon, 1597]. Однако вопросы методологии познания в этих сочинениях отражены в небольшой степени. Кроме того, Бэкон набросал несколько сочинений по естественной истории (*De fluxu et refluxu maris*; *Historia densi et rari*; *Historia vitae et mortis* и др.), которые также должны были войти в полный текст «*Instauratio*».

⁸ «*Princeps Imposturae*» (так Бэкон назвал Аристотеля [Bacon, 1857, p. 567]).

к аристотелевским текстам, чтобы понять, по крайней мере, некоторые аспекты реальности» [Schmitt, 1983a, p. 14]. Более того, «пост-генриховская» эпоха засвидетельствовала «возрождение интереса к традиционной аристотелевской философии», что сформировало «эkleктичный бренд аристотелизма, питаемый различными источниками, включая неоплатонические, герметические, стоические или алхимические тексты» [Schmitt, 1983b, p. 28]⁹. Кроме того, схоластический аристотелизм завоевал в Кэмбридже к 1573 г. когда туда поступил Бэкон, весьма прочные позиции, а логика стала едва ли не самым главным предметом университетского *curriculum*. Именно против понимания формальной логики как универсального средства познания и восстал Бэкон. По свидетельству его первого биографа и духовника Уильяма Роули (*William Rawley*; ок. 1588–1667), Бэкон всегда высоко ценил Аристотеля, но не любил силлогистический метод последнего за его «бесплодность» и пригодность только для «споров и раздоров» [Bacon, 1858, p. 4]. В качестве альтернативы Бэкон предложил свой вариант метода познания природы, который с некоторыми оговорками можно назвать индуктивным (подр. [Pérez-Ramos, 1988]) и который опирался, по выражению П. Диа, на «логику фальсификации» [Dear, 2003, p. 154].

Не вдаваясь в детализированное обсуждение «индуктивного метода» Ф. Бэкона, изложенного им в «Новом Органоне», отмечу лишь некоторые его аспекты.

Бэконовская *inductio* принадлежит к интеллектуальному движению позднего Ренессанса, получившему название *Ars Inveniendi* (термин восходит, по-видимому, к названию трактата Цицерона) [Kienpointner, 1997]. Метод Бэкона включает в себя различные компоненты, а именно собственно индукцию, дедукцию и рассуждения по аналогии.

Как неоднократно подчеркивал Бэкон, прежде чем приводить в действие его логическую машину, необходимо собрать многочисленные факты (результаты наблюдений и экспериментов), касающиеся исследуемой области знаний, т.е. создать то, что он называл «*historia naturalis et experimentalis*». Разумеется, методология Бэкона не обошлась без *circulus vitiosus*, поскольку натуральные истории должны включать в себя то, что позднее получило название «*theory-laden experiments*».

Кроме того, то, что Бэкон называл «индукцией», подразумевало не просто перечисление отдельных фактов и ситуаций, но и учет их, так сказать, «качества», путем выделения из множества разнотипных примеров привилегированных (т.е. наилучшим образом выражающих исследуемое явление), имеющих особое, порой решающее значение

⁹ О различных коннотациях понятия «аристотелизм» в эпоху Бэкона см. [Schmitt, 1983b, p. 13–76].

при развертывании всего исследования (т.н. примеры креста (*Instantiae Crucis*)) [Bacon, 1858, p. 294]. Такие примеры особенно важны, если при рассмотрении «какой-либо природы разум колеблется и не уверен, какой из двух или даже иногда из многих природ приписать причину исследуемой природы – вследствие частого и обычного сосуществования этих природ, то примеры креста указывают, что наличие одной из этих природ при исследуемой природе постоянно и неотделимо, а другой – непостоянно и отделимо. Здесь заканчивается исследование (*unde terminatur question*), и эта первая природа принимается за причину, а другая отвергается и отбрасывается» [ibid.]. Метод Бэкона предполагает также составления специальных таблиц индукции, например, таблиц отсутствия (какого-либо признака явления), присутствия и степени, с помощью которых можно, по мнению Бэкона, решить – проявляется ли данное явление само по себе или только в сопровождении другого, сопутствующего явления, или же оно меняется в зависимости от обстоятельств. Поэтому изложенный в «Новом Органоне» метод познания представляет собой весьма сложную конструкцию, и если сохранять за ним наименование индуктивного, отдавая должное терминологическому консерватизму сэра Фрэнсиса, то, следуя классификации Д. Коэна, бэконовскую *inductio* уместней отнести к особой категории элиминативной индукции, а именно к «*ampliative induction*» [Cohen, 1989, p. 195], т.е. разъясняющей индукции. Вернемся, однако, к главной теме этого раздела – некоторым особенностям бэconiанской критики аристотелизма.

Если обратиться к перечисленным выше не опубликованным при жизни Бэкона его философским фрагментам, к примеру, к «*Temporis Partus Masculus*», эмоциональному рассуждению об истинном и ложном знании, где он настаивал на радикальном изменении отношения к самому процессу познания, то нетрудно заметить, что едва ли не главной целью автора было развеять расхожее мнение, будто труды Аристотеля и Платона выражают высшие интеллектуальные достижения человечества. Время Платона и Аристотеля, в глазах Бэкона, – это всего лишь ранняя стадия развития человеческих знаний. И их знания уступают как тем, которыми обладали современники Бэкона, так и тем, которыми располагали предшественники указанных античных мыслителей. Но тогда возникает вопрос, как же случилось, что до нас дошли «не самые сильные, но самые худшие» авторы эпохи Античности? Ответ Бэкона: «Состояние науки всегда подвержено мнению народному (*praesertim cum status scientiae sit semper fere democraticus*)», а «время, подобно потоку, – легкое и пустое доносит до нас, а твердое и весомое поглощает (*an non tempus veluti flumen levia et inflat ad nos devexit, solida et gravia demersit*)» [Bacon, 1857, p. 535]. И далее Бэкон приглашает задуматься, почему произведения таких мыслителей, как Гераклит, Демокрит, Пифагор,

Анаксагор и Эмпедокл (сэр Фрэнсис очень уважал досократиков, называя их *veritatis inquisitores* – исследователями истины), мы знаем только в пересказе доксографов (*alienis non propriis scriptis noti*)? [Bacon, 1857, p. 535] Потом он повторит это рассуждение в «Новом Органоне», но в смягченном варианте, ссылаясь на исторические катаклизмы (мол, так уж случилось), а не на испорченные мнения толпы: «Позднее, когда по причине нашествия варваров на Римскую империю человеческая наука потерпела как бы кораблекрушение, именно тогда (*tum demum*) философии Аристотеля и Платона были сохранены потоком времени (*per fluctus temporum servatae sunt*), как доски из более легкого и менее твердого материала» [Bacon, 1858, p. 185]. Но вообще-то, подчеркивает Бэкон в «*Temporis Partus Masculus*», «науку следует получать от света природы, а не из тьмы древности (*Omnino Scientia ex naturae lumine petenda, non ex antiquitatis obscuritate repetenda est*)» [Bacon, 1857, p. 535]. Разумеется, какие-то правильные догадки и идеи у древних авторов, благодаря их природному таланту и счастливому случаю, найти можно, но полагаться на случай и талант для систематического развития науки нельзя. «Мы все, – убеждал читателя Бэкон, – рано или поздно наталкиваемся на какую-то истину... Свинья может написать своим пяточком букву А в грязи, но на этом основании мы ведь не ждем, что она сочинит трагедию... Мы не можем написать на восковой табличке ничего нового, пока не сотрем старую запись. С нашим умом все обстоит иначе: мы можем стереть старую запись лишь после того, как сделали новую» [Bacon, 1858, p. 538].

В неопубликованном при жизни Бэкона фрагменте «*De principiis atque originibus secundum fabulas Cupidinis et Coeli: sive Parmenidis, et Telesii, et praecipue Democriti philosophia, tractata in fabula de Cupidine* (О началах и истоках в соответствии с мифами о Купидоне и о небе, или О философии Парменида и Телезие и особенно Демокрита в связи с мифом о Купидоне)» дается весьма резкая характеристика Аристотеля, причем не столько как философа, но скорее как человека: Стагирит «подобно турецким султанам, не чувствовал своего философского царства в безопасности (*Ottomannorum more de regno suo philosophiae anxius erat*), пока не убил своих братьев, и который, как это явствует из его собственных слов, заботился о том, чтобы потомство ни в чем не сомневалось» [ibid., p. 83].

Аналогичный фрагмент можно найти и в «Новом Органоне», но опять-таки – в смягченном варианте: «Философия Аристотеля уничтожила полемическими опровержениями (*pugnacibus confutationibus contrucidasset*) остальные философии, подобно тому, как поступают оттоманские султаны со своими братьями (*more Ottomanorum erga fratres suos*), и обо всем вынесла решение» [ibid., p. 178].

Замечу, возвращаясь к неопубликованным текстам Бэкона, что дело даже не в резкости тона по отношению к Аристотелю, которую

позволял себе сэр Фрэнсис, скажем, в «*Temporis Partus Masculus*» или в «*Redargutio Philosopharium*», а в общем характере бэкониианских оценок. В том же «*Redargutio*» Бэкон более откровенен и даже циничен:

«Сыны мои (сочинение построено в форме монолога учителя, обращенного к ученикам, которых он называет своими сыновьями. – И. Д.)...! Я не возражаю против того, чтобы вы наслаждались плодами своей (т.е. аристотелевой. – И. Д.) философии. Я не запрещаю ее... Используйте эту философию. Пусть ваши аргументы (*disputationes*) будут питаться от ее груди, украсьте свой разговор ее драгоценностями, исповедуйте ее публично и тем самым придайте весомость своим словам в глазах народа (*graviore apud vulgus hominum*). Ведь истинная философия не принесет вам много пользы. ...Поэтому придерживайтесь своей старой философии. Используйте её, когда это вам удобно. Применяйте одну (философию. – И. Д.), чтобы иметь дело с природой, а другую, когда общаетесь с народом (*atque aliter cum natura, aliter cum populo negotiamini*) (заметим, Бэкон использует здесь глагол *negotior* – торговать. – И. Д.) Каждый человек, наделенный высшим пониманием, в общении с низшими носит маску (*personatus sit*)» [Bacon, 1857, p. 562].

Но как только Бэкон принимался за текст, который намеревался опубликовать, так тон его высказываний о Стагирите заметно менялся. И хотя критические замечания остаются (Аристотель «*philosophiam naturalem dialectica sua corrumpit, quum mundum ex categoriis effecerit* (своей диалектикой испортил натуральную философию, так как построил мир из категорий)» [ibid., p. 173–174] и т.п.), но они уравниваются упоминаниями заслуг античного философа и даже его хвалебными оценками (так в «Новом Органоне» Бэкон хвалит Аристотеля за «тщательное (*tam accuratam*) исследование о животных» [ibid., p. 202]¹⁰, а в «*The Advancement*» число похвальных слов в адрес Аристотеля заметно больше, чем в «Новом Органоне». Даже известная бэконовская характеристика Аристотеля – «счастливый грабитель науки» в «*Redargutio*» и в «Новом Органоне» оказываются в разных контекстах:

«*Redargutio*» [ibid., p. 561]: Бэкон отмечает, что, начиная с Платона и, особенно, с Аристотеля, греческая мысль утратила свое многообразие и уподобилась застолию в Халкидиках¹¹ – «разнообразие лишь в соусах», мясо же – от одной свиньи. И далее Бэкон пишет:

Истина и многообразие (греческой мысли) было для нас уничтожено Аристотелем, который сам был греком (*Verum et hanc quoque varietatem nobis exstinxit (Graecus et ipse) Aristoteles*). И я верю, что в своих

¹⁰ Правда, то была похвала *cum grano salis*, поскольку далее Бэкон не без ехидства добавил, что «другие с большим прилежанием (хотя и с меньшим шумом (*licet strepitu minore*)) многое прибавили» к тексту Стагирита [Bacon, 1858, p. 202].

¹¹ То есть на родине Аристотеля.

деяниях он сравнился со своим учеником. А ученика (если я правильно помню) прославляли так:

Счастливым грабитель земель – плохой пример всему миру...

А разве наш учитель не счастливый грабитель науки (*felix doctrinae praedo*)? ...И ни в коем случае тот, кто обратил так много прекрасных умов, так много свободных умов в умственное рабство, не может быть назван благодетелем рода человеческого».

«*De Augmentis*» [Bacon, 1858, p. 549]: «Впрочем, Аристотель, человек поистине выдающийся, наделенный удивительным умом, легко мог, как я полагаю, заразиться этим честолюбием от своего ученика (*crediderim facile hanc ambitionem eum a discipulo suo accepisse*), с которым он, быть может, соперничал. Ведь как Александр подчинил себе все народы, так Аристотель покорил все другие учения, основав в науке своего рода монархию. Так что, пожалуй, какие-нибудь недоброжелательные и злоречивые люди могут назвать его тем же именем, что и его ученика:

Счастливый грабитель земель – плохой пример всему миру...

И точно так же: «Счастливый грабитель науки» и т.д.».

Во втором тексте не только смягчены выражения, но и появляется смягчающее обстоятельство: на Аристотеля плохо повлиял его ученик – Александр Македонский.

Разумеется, общая мысль, выражающая отношение Бэкона к Аристотелю, остается: аура авторитета, окружающая Стагирита, – все лишь иллюзия восприятия, маскирующая изношенную философию в ущерб истинному научному знанию. В истории философии, как она понималась Бэконом, господство Аристотеля проистекает не из превосходства и глубины его идей, а скорее из умелой саморекламы философа в сочетании с капризами истории. «Именно в тот момент, когда человеческий разум, несомый доселе неким благотворным штормовым ветром, обрел, наконец, покой в маленькой истине, этот человек... заключил наше понимание в тесные оковы. Он создал своего рода искусство безумия (*artemque quondam insaniae componere*) и сделал нас рабами слов» [ibid., p. 529–530]. Но заявлять об этом публично, с полной откровенностью он не решался, тем более в ситуации, когда приходилось заботиться о продвижении по службе и поисках патрона.

Чем обусловлено отмеченное выше изменение тона, в котором Бэкон рассуждает об Аристотеле? Говорить о какой-то эволюции взглядов первого на наследие последнего не приходится, тексты писались практически в одно время. Видимо, дело в другом.

Бэкон неплохо усвоил уроки Н. Макиавелли и понимал, что если его труды не обретут «*graviores apud vulgus hominum*», то его проект «*Instauratio Magna Scientiarum*» останется памятником но-

вой риторической традиции, не более. Хорошо разбираясь в психологии своих собеседников, выученных на традиционной философии, Бэкон предлагает менять «несоизмеримые» парадигмы («у нас нет согласия в первых принципах», – подчеркивал сэр Фрэнсис [Bacon, 1857, p. 562]) мягко, чтобы это было приемлемо для аудитории. А поскольку дебаты по поводу отдельных натурфилософских утверждений могут длиться сколь угодно долго и без видимых результатов, то надо использовать риторические манипуляции. Зачем раздражать читателей, отнюдь не склонных к резким интеллектуальным переменам, обличительным тоном своих оценок того, к чему они привыкли, если уже само содержание «Нового Органона» от названия и гравюры на титульном листе и до заключительных фраз последнего афоризма («Теперь же должно перейти к поддержке и улучшению индукции, ...дабы мы... передали, наконец, людям их богатство, после того, как их разум освобожден и как бы стал совершеннолетним» [Bacon, 1858, p. 364]), уже было ново и необычно. *Sapienti sat!*

Идолы безумия

Теперь обратимся к одной из главных идей Ф. Бэкона, изложенных им в «Новом Органоне», – его учении об идолах познания. Исходной концепцией этого учения (а в известном смысле, и всего замысла «*Instauratio Magna*») стала концепция «*insania universalis*».

Хотя в своих работах Бэкон постоянно напоминал читателю, что конечная цель его проекта восстановления наук – это улучшение условий жизни человечества, однако к самому человечеству он относился с известной долей скепсиса, разделяя мнение о безумии большей части людей. Люди, по Бэкону, неосознанно «променяли разум на безумие, а мир на сказку (*rationem cum insania, mundum cum fabula commutabit*)» [ibid., p. 785].

Неконтролируемый ум, пусть даже насыщенный некими познаниями, обладает неконтролируемой спонтанностью сумасшедшего. И что хуже всего, это безумие остается недиагностированным. «Тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума, так что все эти прекрасные созерцания, размышления, толкования – бессмысленная вещь; только нет того, кто бы это видел» [Бэкон, 1978, с. 13]. Так в русском переводе. Однако у Бэкона в латинском оригинале сказано жестче: не «бессмысленная вещь», но «безумная», «*res male-sana sint*» [Bacon, 1858, p. 158].

Поэтому консенсус в людских мнениях не может служить гарантией истины, поскольку – это консенсус сумасшедших. А когда люди «безумствуют по одному образцу и форме (*insanirent ad unum modum et conformiter*)», они очень хорошо могут прийти к согласию между

собой» [Bacon, 1858, p. 161]. Более того, «общее согласие – самое дурное предзнаменование в делах разума (*in rebus intellectualibus*)» [ibid., p. 185]. И также в философии: всеобщее одобрение философского статус-кво служит признаком безумия.

Представление о том, что человечество в основном состоит из безумцев, имеет древние корни. К примеру, Гераклит, которого сэр Фрэнсис весьма почитал, утверждал, что большинство людей живут в своих маленьких обособленных мирах. Бэкон в «*De Augmentis*» дважды, в первой и в пятой книгах, цитирует изречение античного мудреца: «Люди ищут истину в своих микрокосмах, а не во Вселенной» [Ibid., p. 460, 645].

По мнению стоиков, глупость – это проявление безумия. «Стоическое изречение, согласно которому все, кроме мудрецов, которых не существует, одинаково безумны (*mainesthai, insanire*), было хорошо известно в эпоху Античности, оно цитировалось многими греческими и латинскими авторами (философами, поэтами, сатириками и врачами) как основная (*staple*) доктрина стоиков» [Ahonen, 2014, p. 103] наряду, добавлю, со стоическим представлением об «общем безумии (*insania publica*)», проявляющемся в том, что люди в большинстве своем не в состоянии отличить то, что находится в их власти, а что нет, а также не могут правильно истолковать то, что видят и слышат, постоянно путая страсти с восприятием. В качестве примера, одного из многих, можно привести слова Сенеки: «Что требует от него [человека] разум? Ничего трудного: только жить согласно своей природе. Трудно это лишь по причине всеобщего безумия» [Сенека, 1977, с. 71]. При этом – что важно! – Сенека, как затем и Бэкон, трактовали безумие весьма широко, не только как клинический случай душевной болезни, но и как систематическое проявление недомыслия и глупости. «Нет разницы между безумием всеобщим и тем, которое поручают лечить врачам, – кроме одной: тут страдают недугом, а там – ложными мнениями. Тут причина неистовства – в состоянии здоровья; там само оно есть нездоровье души» [там же, с. 222].

Философия стоиков получила широкое распространение в английской культуре времен первых Стюартов (о чем подр. [Barbour, 1998]). Более того, мысль об интеллектуальной дефицитарности человека вообще очень популярна у многих ренессансных авторов (о чем подр. см. [Якимович, 2011]), например, у Т. Кампанеллы¹², Ф. Санчеса¹³ и др.

¹² «Мир был сведен с ума грехом, и... мудрецы, желая излечить его, вынуждены были говорить, действовать и жить, как сумасшедшие, хотя втайне они придерживались иного мнения, и безоружный интеллект древних мудрецов был подчинен оружию безумцев» [Campanella, 2011, p. 66–67].

¹³ «Люди, которые якобы “изучают Природу”, на самом деле заняты тем, что на смерть сражаются за то, что хотел сказать некий X или Y, а не за то, что есть в природе. И на это они тратят всю жизнь» [Sanchez, 1988, p. 267].

Бэкон, несомненно, находился под влиянием взглядов стоиков, и его учение об идолах должно было объяснить причину *insania publica*. Однако он полагал, что разум (если не всех, то, по крайней мере, многих людей) все же можно излечить с помощью нового инструментария мысли, нового Органона.

Он был убежден, что в основе современных ему институтов (как церкви, так и государства) лежит *Органон* Аристотеля, т.е. «своего рода искусство безумия (*artemque quandam insaniae*)» [Bacon, 1857, p. 530]. И потому, чтобы изменить ситуацию, необходимо начать с замены старого Органона на новый, для чего, в свою очередь, нужно расчистить умы, отбросив ложные взгляды. Поэтому «разрушительная (*destruens*) часть» проекта «*Instauratio*» Бэкона состоит из трех видов опровержений: «опровержение врожденного человеческого ума, предоставленного самому себе, опровержения доказательств и опровержения теорий, или принятых философий и учений (*redargutione nimirum Humanae Rationis Nativae et sibi permissae; redargutione Demonstrationum; et redargutione Theoriarum, sive philosophiarum et doctrinarum quae receptaesunt*)» [Bacon, 1858, p. 211].

«Новый метод (*ratio*) должен быть найден, – настаивает Бэкон, – который сможет проникнуть в затуманенные умы (*mentibus obductis-simis*)». Только тогда станет ясно, «как мы должны поступать в этом всеобщем безумии (*ita in hac universali insania mos gerendus est*)» [Bacon, 1857, p. 529].

Диагностируя род человеческий как собрание по преимуществу людей безумных, Бэкон, разумеется, осознавал сложность своей амбициозной задачи по исправлению мозгов, что видно хотя бы из цитируемому им в «*De Augmentis*» изречению Гиппократ: «Если тяжело-больной человек не испытывает страданий, то он болен душевно» [Бэкон, 1977, с. 404]. (Кстати, бэконианское учение об идолах, кроме всего прочего, предполагает самопознание как необходимое условие познания окружающего мира).

Для лечения массового безумия проповеди бесполезны. Поэтому «Новый Органон» включает две части: первая раскрывает причины безумия (учение об идолах) и представляет собой, по выражению Г. Риса, «психопатологию интеллекта» [Rees, 2004, p. liv], вторая предлагает лекарство – новый познавательный метод. А учитывая, что людям вряд ли понравится его диагноз состояния их умов, Бэкон предполагает действовать осторожно, смягчая радикализм своих оценок (явно дающий себя знать в его неопубликованных набросках) искусной риторической вязью, чтобы «искоренять ошибки с наименьшими оскорблениями» для своих современников [Bacon, 1857, 619].

В «*Distributio operis*» он утверждает, что, «врожденные» идолы «присущи природе самого разума» [Бэкон, 1977, с. 73], а в «Новом Органоне» поясняет, что жизненный дух находится в «беспокойном движении (*inquietus Motus*)» и постоянно ищет удовлетворения [Bacon,

1858, р. 169]. «Жаден разум человеческий, и не может он ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается идти все дальше. Но тщетно! Поэтому он не способен помыслить ни некий предел мира, ни то, что за этим пределом, но всегда, как бы по необходимости, торопится допустить нечто существующее сверх известного» [ibid., р. 166–167], «присочиняет параллели, соответствия и отношения, которых нет» [ibid., р. 165]. Эти метания и скачки разума к воображаемым причинам, которые ошибочно кажутся ему более известными и понятными, т.е. игру, как бы мы сегодня сказали, «гиперактивного» воображения, Бэкон полагает корнем всех человеческих ошибок. Мощное воображение берет на себя функцию разума, создавая ложное впечатление, будто оно способно, минуя опыт и метод, проникнуть в тайны природы.

Здесь мысль и слова Бэкона оказываются созвучными высказыванию М. Монтеня: «...Если не занять его [ум] определенным предметом, который держал бы его в узде, он начинает метаться из стороны в сторону, то туда, то сюда, по бескрайним полям воображения... И нет такого безумия, таких бредней, которых не порождает бы наш ум, пребывая в таком возбуждении» [Монтень, 1979, с. 32].

Поскольку чувство, по Бэкону, «передает воображению все виды образов, о которых затем выносит суждение разум, а разум в свою очередь, отобрав и приняв те или иные образы, возвращает их воображению еще до того, как принятое решение будет исполнено», то воображение оказывается «общим орудием (*instrumentum commune*)» и разума, и воли, или своего рода «посланником или посредником» между ними [Bacon, 1858, р. 615]. Но, предупреждает Бэкон (попутно похвалив Аристотеля за сходную мысль), «на самом деле воображение не является только лишь (*merus et nudus*) посредником», оно еще «само приобретает немалое влияние» (так в русском переводе [Бэкон, 1977, с. 278], у Бэкона жестче: оно «само или приобретает, или узурпирует немалую власть (*authoritatem non exiguam vel accipit vel usurpat*)» [Bacon, 1958, р. 615]), и, даже ослабев, воображение «не только глумится над разумом, но и совершает над ним некоторое насилие, отчасти его ослепляя, отчасти возбуждая» [Bacon, 1858]. Поэтому «воображение науки обычно не создает (*phantasia scientias fere non pari[a]t*)» [ibid., р. 615–616]. Правильный метод познания должен ограничить свободу воображения, что станет первым шагом к интеллектуальному оздоровлению человечества.

Заключение. Лекарство для ума

Итак, подытожим. Какое послание заложено Ф. Бэконом в *folio* 1620, посвященном королю и обращенном ко всему человечеству? Как мне представляется, Бэкон хотел сказать следующее: человеческий род

давно и серьезно болен, и болезнь эта поразила прежде всего ум и душу, а в итоге и тело. Главный симптом этого умственного заболевания – неспособность человека, ставшего заложником своих страстей и предрассудков, видеть мир таким, каков он есть, привычка смотреть на вещи либо через силлогизмы, либо через суеверия. Если не принять срочных мер по излечению разума, болезнь погубит человеческий род. А для того чтобы не только избежать губительных последствий, но и существенно улучшить качество человеческой жизни (от бытовой до политической), требуется, прежде всего, научить людей думать по-новому.

С точностью умелого врача Бэкон описал (в первой части «Нового Органона») анамнез и эпикриз этого заболевания, а затем (во второй части) – само лекарство и способы его применения. При этом чтобы усилить действенность (эффективность, как мы бы сказали) своих выводов и рецептов, он отказался от последовательного и систематического («методического», по его терминологии) изложения, обратившись к фрагментированно-афористическому построению текста. Множество афоризмов¹⁴, как множество игл, должны были, вонзаясь в интеллект, заставить его работать.

По мысли Бэкона, *ratio* должно передаваться через *oratio*, чтобы в итоге привести к *operatio*. Поэтому сэр Фрэнсис придавал форме изложения огромное значение, не забывая совет Горация: «...великую силу и верность / Можно и скромным словам придать расстановкой и связью» (цит. по: [Бэкон, 1977, с. 330]). Его выбор способа организации текста никак нельзя объяснить недостатком времени для создания своих сочинений (этот фактор имел место, но не он определил «афористический» способ подачи материала).

В опубликованных произведениях, особенно, в «*De Augmentis*» Бэкон весьма детально излагает свою мотивацию при выборе формы изложения (притом что сам этот трактат написан в «обычной» манере, с разделением на «книги» и главы): «...Афоризмы (*Apophthegmata*) служат отнюдь не только для развлечения или украшения речи... Ведь они... своего рода “словесные топоры или кинжалы”, которые своим острием разрубая запутанные узлы дел и событий и проникают в их глубину» [Васон, 1858, р. 517]. И далее самое важное: «...Афоризмы, давая только какие-то части и отдельные куски науки, приглашают

¹⁴ В русских переводах используется термин «афоризм», хотя подобная терминология не вполне совпадает с современным пониманием афоризма как оригинальной законченной мысли, выраженной в лаконичной запоминающейся форме. Некоторые «афоризмы» Бэкона занимают несколько страниц. Сам Бэкон пользовался как существительным «*Aphorism*», так и «*Apophthegma*» (калька с греч. ἀποφθεγμα), понимая под обоими терминами не сжатое высказывание, краткий рассказ или меткое слово, но некое высказывание (изречение) вообще. Разумеется, афористическая форма организации текста не была его изобретением, она широко использовалась в литературе задолго до Бэкона.

тем самым всех прибавить что-нибудь к этой науке также и от себя; методическое же изложение, представляя науку как нечто цельное и законченное, приводит к тому, что люди успокаиваются, думая, что они достигли вершины знания» [Бэкон, 1858, р. 665–666].

Иными словами, фрагментированное (афористичное) изложение позволяет привести умы в движение, а кроме того, дает возможность Бэкону переложить труд по смысловой «сборке» высказанных им мыслей в единое целое на читателя, который должен собрать предложенный автором «пазл», чем, собственно, и занимаются до сих пор историки науки и философии.

Список литературы

Бэкон, 1977 – *Бэкон Ф.* Соч. в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., общ. ред. и вст. ст. А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1977–1978. Т. 1. 568 с.

Бэкон, 1978 – *Бэкон Ф.* Соч. в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / Сост., общ. ред. и вст. ст. А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1977–1978. Т. 2. 576 с.

Дмитриев, Крепостнова, 2018 – *Дмитриев И.С., Крепостнова В.П.* Межи и горизонты познания (фронτισпис «Instauratio magna» Ф. Бэкона) // Дискурс. 2018. № 3. С. 26–39.

Киссель, 2014 – *Киссель М.А.* Великое восстановление веры: Британский Платон. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. 256 с.

Монтень, 1979 – *Монтень М.* Опыты. В трех книгах. Книги первая и вторая. 2-е изд. / Отв. ред. Ю.Б. Виппер. М.: Наука, 1979. 704 с.

Ницше, 1990 – *Ницше Ф.* Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с.

Сенека, 1977 – *Сенека Луций Анней.* Нравственные письма к Луцилию / Пер. и примеч. С.А. Ошерова; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1977. 383 с.

Субботин, 1974 – *Субботин А.Л.* Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974 (Серия: Мыслители прошлого). 176 с.

Якимович, 2011 – *Якимович А.К.* Искусство непослушания. Вольные беседы о свободе творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 573 с.

Ahonen, 2014 – *Ahonen M.* Mental Disorders in Ancient Philosophy. (Studies in the History of Philosophy of Mind). Heidelberg: Springer, 2014. 280 pp.

Aubrey, 1949 – *Aubrey J.* Brief Lives. Edited from the Original Manuscripts and with an Introduction by Oliver Lawson Dick. London: Theodore Brun, 1949. 408 pp.

Bacon, n.d. – *Bacon F.* The Works / Ed. by J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath. In 15 vols. Boston: Houghton, Mifflin and Co., n.d.

Bacon, 1597 – *Bacon F.* Meditationes sacrae. Londini: Excusum impensis Humfredi Hooper, 1597. 138 pp.

Bacon, 1857 – *Bacon F.* The Works / Ed. by J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 3 (1857).

Bacon, 1858 – *Bacon F.* The Works / Ed. by J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 1 (1858).

Bacon, 1858a – *Bacon F.* The Works / Ed. by J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 6 (1858).

Bacon, 1868 – *Bacon F.* The Letters and the Life of Francis Bacon Including All His Occasional Works / Newly Collected and Set Forth in Chronological Order With a Commentary Biographical and Historical, by James Spedding. In 7 vols. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1874. Vol. 4 (11) (1868).

Bacon, 1874 – *Bacon F.* The Letters and the Life of Francis Bacon Including All His Occasional Works / Newly Collected and Set Forth in Chronological Order With a Commentary Biographical and Historical, by James Spedding. In 7 vols. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1874. Vol. 7 (14) (1874).

Bacon, 2004 – The Oxford Francis Bacon. Vol. XI: The *Instauratio Magna*. Part II: *Novum Organum* and Associated Texts / Ed. with Introduction, Notes, Commentaries, and Facing-Page Translations by Graham Rees with Maria Wakely. Oxford: Clarendon Press, 2004. 766 pp.

Barbour, 1998 – *Barbour R.* English Epicures and Stoics: Ancient Legacies in Early Stuart Culture. Amherst, MA: University of Massachusetts press, 1998. 312 pp.

Campanella, 2011 – Selected Philosophical Poems of Tommaso Campanella: A Bilingual Edition / Editor and translator Sherry Roush. Chicago: The University of Chicago Press, 2011. 247 pp.

Cohen, 1989 – *Cohen J.* An Introduction to the Philosophy of Induction and Probability. Oxford University Press, 1989. 217 pp.

Dear, 2003 – *Dear P.* Method and the Study of Nature // The Cambridge History of Seventeenth-Century Philosophy. In 2 vols. / Ed. D. Garber and M. Ayers. Cambridge: Cambridge University press, 2003. Vol. 1. P. 147–177.

Kienpointner, 1997 – *Kienpointner M.* On the Art of Finding Arguments: What Ancient and Modern Masters of Invention Have to Tell Us About the “Ars Inveniendi” // *Argumentation*, 1997. Vol. 11. № 2. P. 225–236.

Levao, 1992 – *Levao R.* Francis Bacon and the Mobility of Science // *Representations*, 1992. Vol. 40 (Special Issue: Seeing Science). P. 1–32.

Pérez-Ramos, 1988 – *Pérez-Ramos A.* Francis Bacon’s Idea of Science and the Maker’s Knowledge Tradition. Oxford: Oxford University Press, 1988. 324 pp.

Rees, 2004 – *Rees G.* Introduction // The Oxford Francis Bacon. Vol. XI: The *Instauratio magna*, Part II: *Novum Organum* and Associated Texts / Ed. by Graham Rees with Maria Wakely. Oxford: Oxford University press, 2004. P. XIX–CXXVIII.

Sanches, 1988 – *Sanches F.* That Nothing is Known (*Quod nihil scitur*) [Lyon, 1581] / Introd., notes, and bibliogr. by Elaine Limbrick. Latin text established, annot., and transl. by Douglas F. S. Thomson. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 310 pp.

Schmitt, 1983a – *Schmitt C.B.* Aristotle and the Renaissance. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 187 pp.

Schmitt, 1983b – *Schmitt C.B.* John Case and Aristotelianism in Renaissance England. Kingston, ON: McGill-Queen’s University Press, 1983. 303 pp.

Snider, 1988 – *Snider A.* Francis Bacon and the Authority of Aphorism. // *Prose Studies: History, Theory, Criticism*. 1988. Vol. 11. P. 60–71.

Stroud, 1999 – *Stroud A.* Stuart England, London: Routledge, 1999. 220 pp.

References

- Ahonen, M. *Mental Disorders in Ancient Philosophy*. Heidelberg: Springer, 2014, 280 pp.
- Aubrey, J. *Brief Lives*. London: Theodore Brun, 1949, 408 pp.
- Bacon, F. *Meditationes sacrae*. Londini: Excusum impensis Humfredi Hooper, 1597. 138 pp.
- Bacon, F. *Sochineniya: v 2h tt. 2-e izd., ispr. i dop. Sostavlenie, obshchaya redakciya i vstupitel'naya stat'ya A. L. Subbotina. Tom 1*. [The Works: in 2 vols. 2nd ed., Rev. and add. compilation, general edition and introductory article by A.L. Subbotin. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1977. 568 pp. (In Russian)
- Bacon, F. *Sochineniya: v 2h tt. 2-e izd., ispr. i dop. Sostavlenie, obshchaya redakciya i vstupitel'naya stat'ya A.L. Subbotina. Tom 2* [The Works: in 2 vols. 2nd ed., Rev. and add. compilation, general edition and introductory article by A.L. Subbotin. Vol. 2]. Moscow: Mysl', 1978. 576 pp. (In Russian)
- Bacon, F. *The Letters and the Life of Francis Bacon Including All His Occasional Works. Newly Collected and Set Forth in Chronological Order With a Commentary Biographical and Historical, by James Spedding*. In 7 vols. London: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1861–1874.
- Bacon, F.; J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath (eds.). *The Works. In 15 vols*. Boston: Houghton, Mifflin and Co., n.d.
- Bacon, F.; J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath (eds.). *The Works. In 14 vols*. London: Longman and co., 1857–1874.
- Barbour, R. *English Epicures and Stoics: Ancient Legacies in Early Stuart Culture*. Amherst, MA: University of Massachusetts press, 1998, 312 pp.
- Campanella, T.; S. Roush (ed., trans.). *Selected Philosophical Poems*. Chicago: The University of Chicago Press, 2011, 247 pp.
- Cohen, J. *An Introduction to the Philosophy of Induction and Probability*. Oxford: Oxford University Press, 1989, 217 pp.
- Dear, P. "Method and the Study of Nature", in: Garber, G., Ayers, M. (eds.), *The Cambridge History of Seventeenth-Century Philosophy*. In 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, vol. 1, pp. 147–177.
- Dmitriev, I.S., Krepostnova, V.P. "Mezhi i gorizonty poznaniya (frontispis «Instauratio magna» F. Bacona)" ["Boundaries and Horizons of Knowledge (the Frontispiece of F. Bacon's «Instauratio Magna»)"], *Diskurs [Discourse]*, 2018, no. 3, pp. 26–39. (In Russian)
- Kienpointner, M. "On the Art of Finding Arguments: What Ancient and Modern Masters of Invention Have to Tell Us About the «Ars Inveniendi»", *Argumentation*, 1997, vol. 11, no 2, pp. 225–236.
- Kissel', M.A. *Velikoe vosstanovlenie very: Britanskij Platon* [The Great Restoration of Faith: British Plato]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo universiteta, 2014, 256 pp. (In Russian)
- Levao, R. "Francis Bacon and the Mobility of Science", *Representations*, 1992, vol. 40, pp. 1–32.
- Montaigne, M. *Opyty. V trekh knigah. Knigi pervaya i vtoraya* [The Essays. In Three Books. Books One and Two]. Moscow: Nauka, 1979, 704 pp. (In Russian)

Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 tomah. Tom 1* [The Works. In 2 vols. Vol. 1] Moscow: Mysl', 1990, 829 pp. (In Russian)

Pérez-Ramos, A. *Francis Bacon's Idea of Science and the Maker's Knowledge Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 1988. 324 p.

Rees, G. & Wakely, M. (eds.). *The Oxford Francis Bacon*. Vol. XI: The Instauration Magna. Part II: Novum Organum and Associated Texts. Oxford: Clarendon Press, 2004, 766 pp.

Sanches, F.; E. Limbrick, D. F. S. Thomson, (eds.). *That Nothing Is Known (Quod nihil scitur)* [Lyon, 1581]. Latin text established, annot., and transl. by Douglas F.S. Thomson. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 310 pp.

Schmitt, C.B. *Aristotle and the Renaissance*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983, 187 pp.

Schmitt, C.B. *John Case and Aristotelianism in Renaissance England*. Kingston, ON: McGill-Queen's University Press, 1983, 303 pp.

Seneca, Lucius Annaeus. *Nravstvennye pis'ma k Luciliyu* [Moral Letters to Lucilius] Moscow: Nauka, 1977, 383 pp. (In Russian)

Snider, A. "Francis Bacon and the Authority of Aphorism", *Prose Studies: History, Theory, Criticism*, 1988, vol. 11, pp. 60–71.

Stroud, A. *Stuart England*. London: Routledge, 1999, 220 pp.

Subbotin, A.L. *Francis Bacon* [Francis Bacon]. Moscow: Mysl', 1974, 176 pp. (In Russian)

Yakimovich, A.K. *Iskusstvo neposlushaniya. Vol'nye besedy o svobode tvorчества*. [The Art of Disobedience. Free Talk about Creative Freedom]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2011, 573 pp. (In Russian)